

13.4.95

Шульженко Клавдия Ивановна

24

ЦВЕТЫ С ПЕРЕДОВОЙ — ШУЛЬЖЕНКО

Рос. газ. - 1995 - 13 апр - с. 7

Приближается великий праздник — Победа, ее 50-летний юбилей. В эти предпраздничные дни мне захотелось вспомнить о Клавдии Ивановне Шульженко. Она была кумиром тех, кто ковал нашу Победу.

Своим искусством вселяла в людей бодрость, уверенность. Песни о скромном синем платочке, о девушке, провожающей бойца на позиции, о боях-пожарищах и друзьях-товарищах звучали в каждом сердце.

Каждая ее песня помогала многим людям жить, работать, побеждать.

С ее песнями шли солдаты в бой, ее песни помогали им отдыхать после боя. Ее песни звучали и в День Победы как символ радости и величия народа-победителя.

Певица ушла из жизни в июне 1984 года. Алла Пугачева написала тогда в «Комсомольской правде»: «Клавдия Ивановна Шульженко... Три слова, три добрых слова, как три песни, наполненные чувством любви, доброты и неиссякаемого таланта. Когда умирает такой талант, то чувство осиротелости охватывает душу. Утрата — как бы потеря близкого, справедливого доброго гения в нашем далеке не легком жанре...»

А Анатолий Папанов так скорбел о ней: «Второй Шульженко никогда не будет! Как не будет второй Раневской, второго Качалова.

Я не случайно поставил ее имя рядом с именами вели-

ких наших артистов: Клавдия Ивановна была блистательной актрисой».

Все это прекрасные слова о замечательной певице. Но все же никто лучше о Клавдии Ивановне не расскажет, чем В. Ф. Коралли, ее муж, ее соратник по сцене. И вот я отправляюсь к Владимиру Филипповичу. Этот старенький уже человек на глазах преобразается, погружаясь в воспоминания.

В начале разговора он немного напел из репертуара Клавдии Ивановны:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь,
друзья-однополчане,

Боевые спутники мои.

22 июня — один страшный для всех день. О войне Клавдия Ивановна узнала в Ереване, в этот день давала там последний гастрольный концерт. Уже 16 часов шла война, непривычно было видеть в зале много свободных мест.

Когда вернулись в Ленинград, поехали в штаб округа. Полковник нам сказал: «Телеграмму получили. Просьбу удовлетворили. Вы зачислены в ряды действующей армии».

Фронтовой джаз-ансамбль под руководством Клавдии Шульженко и Владимира Коралли — так называлось это подразделение.

Первый наш концерт прошел на полевом аэродроме, прямо под крыльями самолетов. Шульженко вышла петь

в военной форме. А летчики запротестовали, попросили переодеться в платье. Им хотелось быть ближе к прошлому, к родному дому. Клавдия Ивановна потом всегда старалась выступать в самых нарядных своих платьях, хотя и считала себя солдатом. Она пела и на площадках, в землянках, на палубах военных кораблей. Много писем приходило ей от воинов.

Помню, как в конце мая 1942 года уже под вечер на

фронтном аэродроме Клавдия Ивановна давала концерт с нашим ансамблем... Шульженко пела много, а слушатели просили еще и еще. Певица «запросила пощады». Она пообещала, что если завтра летчики собьют хотя бы один фашистский самолет, то она обязательно вернется и будет снова петь весь вечер. На следующий день было сбито шесть самолетов. Бойцы сообщили в штаб. И Шульженко снова приехала к

летчикам. И снова весь вечер пела.

Однажды после концерта в стрелковой бригаде к певице подошел молодой человек. Лейтенант Михаил Максимов. Предложил посмотреть свои стихи на мелодию песни польского композитора Петербургского.

Клавдии Ивановне стихи понравились. Вот так и родилась знаменитая песня о синем платочке, которую полюбил народ. Иногда Шульженко после концерта диктовала солдатам слова песни. После исполнения «Синего платочка» Клавдии Ивановне всегда преподносили цветы. С передовой.

В марте 42-го года были самые суровые дни битвы за Ленинград. 24 марта наш Ленинградский фронтовой джаз-ансамбль дал три концерта для воинов Волховского фронта и автомобилистов-дорожников «Дороги жизни». После третьего концерта Клавдию Шульженко, Аллу Ким (солистку ансамбля) и меня пригласили в землянку генерала Федюнинского. Мы увидели празднично накрытый стол.

Первый тост генерал поднял за Родину, второй — за прорыв блокады, а третий — за Клавдию Шульженко по случаю ее дня рождения. О дне рождения мы не забыли, но на «Дороге жизни» было не до праздников. Удивленные, мы спросили Ивана Ивановича, как он узнал о дне рождения.

Генерал отшутился:

— Если бы моя разведка так же точно доносила мне о планах врага, как донесла о дне рождения Шульженко, то успех на фронте был бы значительнее.

А потом он с шутливой строгостью спросил:

— Что же это вы одновременно обслуживаете и нашу, и немецкую армию?

Мы опять удивились. А Федюнинский, смеясь, рассказал, как недавно слушал радио из оккупированного Искова и вдруг попал на концерт нашего джаз-ансамбля. Немецкий диктор сообщил: «Выступают русские артисты для солдат и офицеров великой Германии».

Оказывается, фашисты захватили запись нашего выступления и включили в свои радиопередачи для населения оккупированных областей. Пленку смонтировали так, что подлога сразу и не поймешь. Потом мне самому довелось услышать эту запись:

— Мы счастливы, дорогие друзья, что сегодня выступаем для вас, — такими словами начинался концерт. И голос был мой, и слова вроде

бы мои. Я, например, говорил (для воинов Красной Армии):

— Для вас, красных соколов, истребителей ненавистных фашистских асов, — наши песни, музыка и стихи.

А по немецкому радио передавали:

— Для вас, асов, — наша музыка, песня...

Фальсификация была сделана очень тонко. Мы с Клавдией Ивановной с ужасом представляли, как нас проклинают те, кто слушал эту передачу, и не знали, что с первого дня войны наш джаз-ансамбль обслуживал части Красной Армии Ленинградского, Волховского, Западного и Северо-Западного фронтов.

В 1942 году, когда немного схлынуло напряжение под Ленинградом, Шульженко приехала в столицу вместе с Аркадием Райкиным. Они выступали на эстрадной площадке «Эрмитажа». Время было совсем невеселое, но старый «Эрмитаж» взорвался аплодисментами. И это была овация Москвы в честь героического Ленинграда.

Записала
Татьяна ВУЛКИНА.

